

ГЛАВА 1

По обшитой ореховыми панелями лестнице эхом отдается неясный, но назойливый гул голосов из столовой. Трясущимися руками я закрываю за собой дверь. В мире вновь воцаряется тишина. Я прислоняюсь головой к двери и глубоко вдыхаю полной грудью. Комната по-прежнему хранит ее запахи, аромат духов «О де Хадриен» и мыла с козьим молоком. Металлическая кровать заскрипела, когда я опустилась на нее, и этот скрип показался мне таким же сладостным, как звон китайских колокольчиков в ее саду или звук ее бархатистого голоса, когда она говорила, как любит меня. Я залезала на эту кровать, которую она делила с моим отцом, жаловалась, что у меня болит живот, или сообщала, что в моей комнате притаились чудовища. Всякий раз мама прижимала меня к себе и гладила по волосам, шепча мне на ухо: «Завтра мы снова увидим солнце, любовь моя, только по дожди». А когда я просыпалась на следующее утро, сквозь кружевные занавески на окнах моей комнаты струились янтарные солнечные лучи, и это было настоящим чудом.

Я снимаю новые лакированные туфли и с облегчением потираю одну ступню о другую. Растягиваюсь

на кровати, сую под голову пеструю подушку. Эту кровать я непременно оставляю себе. Пусть даже на нее претендует кто-нибудь еще, кровать все равно моя. Я буду скучать по этому шикарному старому дому, отделанному коричневым песчаником. «Он такой же крепкий и выносливый, как твоя бабушка», — порой говорила мама о своем доме. Но я была твердо убеждена, что по части крепости и выносливости ни один дом, ни один человек на свете не может сравниться с дочерью моей бабушки, моей матерью, Элизабет Болингер.

Внезапно меня пронзает некая мысль. Сморгнув набежавшие слезы, я поднимаюсь с кровати. Она спрятала это где-то здесь, я знаю! Но где? Я распахиваю дверцы шкафа, не глядя, перебираю дизайнерские костюмы и платья. Вешалки с шелковыми блузками раздвигаются под моими руками, как театральные занавесы. Вот она! Покоится в отделении для обуви, как дитя в колыбели. Бутылка шампанского «Крюг», пролежавшая в этом шкафу четыре месяца.

Схватив бутылку, я внезапно ощущаю приступ стыда. Шампанское принадлежит маме, не мне. Она купила эту возмутительно дорогую бутылку, когда мы возвращались домой после первого визита к доктору, и спрятала в укромном месте. Шампанское было для нее символом надежды. Она рассчитывала, что, когда лечение благополучно завершится и доктор сообщит ей, что она здорова, мы с ней откроем эту бутылку и выпьем за продолжение жизни и чудеса, которые в ней случаются.

Я провожу пальцем по серебристой фольге и прикусываю губу. Нет, я не смогу выпить это шампанское.

Оно предназначалось для праздника, для радостных тостов. Его не должна пить в одиночестве скорбящая дочь, которой не хватило сил присутствовать на поминальном обеде.

Тут мой взгляд падает на какой-то предмет, притаившийся рядом с парой замшевых мокасин. Блокнот в красной кожаной обложке — дневник, надо полагать, — перевязанный выцветшей желтой лентой. Кожаная обложка потрескалась и вытерлась. На подарочном ярлычке в виде сердечка надпись маминым почерком:

Для Бретт. Прочти это, когда почувствуешь, что твоя печаль притупилась. А сегодня выпей за нас, моя дорогая. Мы с тобой были отличным дуэтом. Люблю тебя. Мама.

Я глажу надпись пальцами. Почерк у мамы был все не таким красивым, как она сама. В горле у меня вспухает ком. Со стороны казалось, что мама уверена в благополучном исходе лечения; и все же она знала: настанет день, когда мне понадобится помощь и поддержка. Она оставила шампанское для сегодняшнего дня, а осколки своей жизни, свои мысли и размышления — для дня завтрашнего.

Но я не в состоянии ждать до завтра. Охваченная отчаянным желанием прочесть то, что скрывает дневник, я пожираю красную книжечку глазами. Я должна хотя бы заглянуть туда! Трясущимися пальцами развязываю ленточку. Но тут мама встает перед моим мысленным взором, как живая. Она качает головой, мягко упрекая меня за нетерпение. Я смотрю на надпись, которая советует мне подождать, пока моя печаль не притупится. Несколько мгновений я медлю,

раздираемая противоречивыми желаниями, и наконец принимаю решение.

— Я сделаю, как ты хочешь, — шепчу я, касаясь книжечки губами. — Я подожду.

С моих губ срывается стон, разбивая тишину. Я зажимаю рот рукой, словно пытаюсь поймать его. Но уже слишком поздно. Я сгибаюсь пополам, обхватив себя руками. Душевная боль скручивает мне внутренности, как физическая. Как я смогу жить в этом мире без мамы? Ведь я по-прежнему ее дочка, ее маленькая девочка.

Взяв бутылку шампанского, я зажимаю ее между коленями и извлекаю пробку. Она с шумом выскакивает и, пролетев по комнате, сбивает бутылочку с таблетками китрила на мамином ночном столике. Лекарство от тошноты! Наклонившись, я собираю рассыпавшиеся треугольные таблетки и вспоминаю, как в первый раз давала их маме. В тот день она прошла через первый сеанс химиотерапии и ради меня отчаянно храбрилась.

— Честное слово, я чувствую себя вполне прилично, — повторяла она. — В свое время менструации доставляли мне куда больше неприятностей.

Однако ночью приступы тошноты налетали на нее, как штормовой шквал. Она проглотила одну таблетку и вскоре попросила другую. Я лежала рядом с ней, прижимала ее к себе и гладила по волосам в точности так, как она много раз гладила меня. Наконец лекарство подействовало, и она уснула. А я, охваченная отчаянием, лежала с закрытыми глазами и молила Бога исцелить мою мамочку.

Но Он остался глух к моим мольбам.

Я аккуратно ссыпаю таблетки в пластиковую бутылочку и, не закручивая крышку, ставлю ее на столик, у самого изголовья, так, чтобы мама без труда могла дотянуться... Господи, она ведь умерла!.. Эти таблетки ей больше не нужны.

Надо выпить шампанского.

— За тебя, мама! — шепчу я дрожащим голосом и несколько раз отпиваю прямо из горлышка. — Я гордилась тем, что я твоя дочь. Ты ведь знала это, правда?

Через несколько секунд комната начинает кружиться у меня перед глазами, но боль, к счастью, немного отступает. Я ставлю шампанское на пол и снова забираюсь на кровать с ногами. От прохладных простыней исходит запах лаванды. Конечно, валяться здесь, спрятавшись от толпы малознакомых людей, собравшихся внизу, — это чистейшее свинство с моей стороны. Но мне необходимы несколько минут тишины и покоя, оправдываю я себя, накрываясь одеялом с головой. После я вернусь в столовую. Через пару минут...

Из ступора меня выводит громкий стук в дверь. Я сажусь на кровати, но не сразу мне удастся вспомнить, где я. Черт, дом же полон чужих людей! Вскрываю и бросаюсь к дверям, по дороге спотыкаясь о бутылку шампанского.

— Этого еще не хватало!

— Бретт, как ты себя чувствуешь? — раздается голос моей невестки Кэтрин.

И не успеваю я ответить, как она входит в комнату. Удивленно смотрит на мокрый ковер и поднимает бутылку.

— Господи боже! Ты разлила бутылку «Кло дю Мениль» урожая девяносто пятого года.

— А перед этим я как следует к ней приложилась! — Я опускаюсь на корточки и тру мокрый персидский ковер подолом своего платья.

— Бретт, ну ты даешь! Эта бутылка стоит долларов семьсот, не меньше!

— Угу. — Я поднимаюсь на ноги и бросаю взгляд на часы, но цифры расплываются у меня перед глазами. — Сколько сейчас времени, не знаешь?

Кэтрин приглаживает свое черное льняное платье:

— Почти два. Стол уже накрыт.

Она заправляет мне за ухо выбившуюся прядь волос. Ростом я выше Кэтрин на добрых пять дюймов, но рядом с ней по-прежнему чувствую себя малым ребенком, который извозился до безобразия. Кажется, она вот-вот посяет палец и пригладит вихор у меня на лбу.

— Ты выглядишь неряшливо, — замечает она, поправляя мое жемчужное ожерелье. — Твоя мама первая бы сказала, что, несмотря на свое горе, ты не должна опускаться.

Вот и нет. Мама сказала бы, что я выгляжу прекрасно. Несмотря на разводы потекшей от слез туши. Она сочла бы, что мои красные, опухшие глаза полны таинственной печали, как глаза влюбленного поэта, а мои темные волосы пребывают в художественном беспорядке и ничуть не напоминают воронье гнездо.

Почувствовав, что слезы вновь подступают к глазам, я поспешно отворачиваюсь. Теперь, когда мамы больше нет, кто будет вселять в меня уверенность в себе? Я наклоняюсь, чтобы поднять пустую бутылку, но пол предательски качается и идет волнами.

Ожидая, пока шторм не уляжется, я цепляюсь за спинку кровати, как за спасательный круг.

Кэтрин, прижимая к губам палец с безупречным маникюром, пристально смотрит на меня:

— Послушай, милая, может, тебе лучше остаться здесь? Я принесу тебе перекусить.

Ну уж нет! Это поминки по моей матери. И я обязана на них присутствовать. Но комната продолжает тошнотворно кружиться. К тому же мои туфли куда-то запропастились. Отчаявшись их найти, я бреду к дверям босиком, потом все же решаю продолжить поиски.

— Давайте вылезайте, чертовы башмаки! Что за дурацкая манера прятаться! — Я опускаюсь на корточки и заглядываю под кровать.

Кэтрин хватается меня за руку повыше локтя и заставляет встать:

— Бретт, прекрати! Ты пьяна в стельку. Сейчас я уложу тебя в постель, тебе надо проспать.

— Не надо! — Я стряхиваю ее руку. — Я должна спуститься к гостям!

— Но ты не можешь! Твоя мама не одобрила бы...

— А-а, вот вы где!

Я хватаю свои новые черные лодочки и принимаюсь запихивать в них ноги. Похоже, за последний час ступни у меня ухитрились вырасти размера на два.

Кое-как засунув ноги в туфли, я выхожу в коридор. Меня швыряет от стены к стене, как шар в бильярде, и, чтобы сохранить равновесие, я широко раскидываю руки. Кэтрин идет за мной по пятам и без конца твердит сквозь зубы:

— Бретт! Прощу тебя, прекрати! Вернись в спальню!

Какая она все-таки дура, если думает, что я могу пропустить поминальный обед! Я обязана сделать это ради мамы. Моей милой, моей ненаглядной мамы...

Я дохожу до лестницы, так и не сумев толком втиснуть свои распухшие ноги в эти игрушечные башмачки, годные только для куклы Барби. Где-то на полпути вниз у меня подворачивается нога.

— О-о-о!

Люди, собравшиеся в столовой, все, кто пришел отдать последнюю дань маме, как по команде, поворачиваются в мою сторону. Женщины в ужасе прижимают ладони к губам, мужчины пытаются броситься мне на помощь.

Бесформенной кучей я приземляюсь на пол. Черное платье задралось, обнажив бедра, одна из злополучных туфель слетает с ноги.

Меня будит звон посуды. В уголке рта скопилась слюна; я вытираю ее и сажусь на диване. В моей пульсирующей от боли голове стоит туман. Поморгав, я оглядываюсь по сторонам. Я в мамином доме. Отлично! У нее наверняка найдется для меня аспирин. В гостиной царит полумрак, в столовой какие-то люди собирают тарелки и стаканы в коричневые пластиковые мешки. Что здесь происходит? Внезапно я вспоминаю все, и это действует на меня, как удар бейсбольной битой по голове. Ком подкатывает к горлу, и, чтобы удержать его внутри, я зажимаю рот рукой. Печаль возвращается с прежней силой, тоска вливается мне в сердце бесчисленными острыми иголками.

Мне говорили, что долгая битва с раком мучительнее, чем короткая. Для того, кто ушел, это, возможно,

правда. Но не для того, кто остался жить. Страшный диагноз, болезнь, смерть мамы — все это произошло так стремительно, что до сих пор кажется ночным кошмаром, от которого я вот-вот очнусь с возгласом облегчения. Просыпаясь, я не помню о своей утрате, и мне приходится переживать случившееся снова и снова, точь-в-точь как Биллу Мюррею в «Дне сурка». Как я буду жить, лишившись единственного человека, который любил меня такой, какая я есть? Настанет ли время, когда я смогу вспоминать о маме без кома в горле?

Я потираю ноющие виски. Перед глазами мелькают какие-то разрозненные кадры, воспроизводя мое недавнее падение с лестницы. Меня охватывает мучительное желание умереть.

— Привет, соня!

В комнату входит моя вторая невестка, Шелли, с трехмесячной Эммой на руках.

— Господи боже! — стенаю я и обхватываю голову руками. — Надо же быть такой идиоткой!

— Да ладно тебе! Подумаешь, выпила лишнего! Как твоя лодыжка?

Я приподнимаю с ноги пакет со льдом и кручу ступней:

— Вроде нормально. Нога заживет раньше, чем я перестану себя казнить. Как я могла так отвратительно вести себя на поминках по маме? — Я швыряю пакет со льдом на пол и поднимаюсь с дивана. — Шелл, можешь оценить по десятибалльной шкале, насколько я была невменяема?

Она гладит меня по руке:

— Я сказала всем, что ты слишком устала. И все поверили. Поверить было нетрудно, стоит только

на тебя посмотреть. Ты выглядишь как человек, который не спал по крайней мере неделю. — Шелли бросает взгляд на часы. — Послушай, нам с Джем пора уезжать. Уже больше семи.

Выхожу в холл и вижу, как Джей засовывает трехлетнего Тревора в ярко-желтый комбинезон, в котором тот похож на крошечного пожарного. Мои глаза встречаются с ярко-голубыми глазами малыша, и он радостно вопит:

— Тетя Блет!

Это звучит так мило, что в глубине души я надеюсь: мой племянник никогда не научится выговаривать «р». Я подхожу к нему и ерошу его волосы:

— Как поживает мой мальчик?

Джей застегивает молнию на комбинезоне Трево-ра и выпрямляется:

— Проснулась наконец!

Если бы не «гусиные лапки», которые возникают у него вокруг глаз, когда он улыбается, мой тридцатипятилетний брат выглядел бы на десять лет моложе. Он обнимает меня за плечи:

— Хорошо поспала?

— Прости за то, что я устроила, — бормочу я, стирая с лица разводы туши.

— Не переживай. — Джей касается губами моего лба. — Мы все понимаем, что тебе сейчас тяжелее всех.

Он хочет сказать, что из трех маминых детей я одна до сих пор не имею своей семьи. Мама была самым близким мне человеком. Мой брат мне сочувствует.

— Нам всем сейчас тяжело, — говорю я, отстраняясь.

— Но ты ее дочь, — доносится до меня голос Джо-ада, старшего из двух моих братьев.

В руках он держит кадку с каким-то огромным растением, за которым его тощей фигуры почти не видно. В отличие от Джея, зачесывающего редющие волосы назад, Джоад бреет голову наголо, что в сочетании с очками в квадратной оправе придает ему несколько претенциозный вид.

— Ты была с ней рядом все это время. Не представляю, как бы мы Джейем обошлись без тебя, особенно в эти последние недели.

Да, это правда. Когда весной маме поставили диагноз «рак яичников», я решила, что мы будем бороться с болезнью вместе. Я выхаживала ее после операции и после каждого сеанса химиотерапии, настаивала на консультациях лучших специалистов. А когда все специалисты пришли к выводу, что надежды практически нет и мама решила прекратить мучительное лечение, я была рядом.

— Мы с тобой. — Джей сжимает мою руку, его голубые глаза блестят от слез. — Ты это знаешь, правда?

Я киваю и достаю из кармана пачку бумажных салфеток.

Грустное молчание, воцарившееся в холле, нарушает Шелли. В руках у нее автомобильное креслице, в котором лежит Эмма.

— Милый, ты не мог бы забрать денежное дерево, которое Элизабет подарили мои родители? — обращается она к Джею. — Вам ведь оно не нужно, ребята? — поворачивается она к нам с Джоадом.

Джоад кивает на ботанического гиганта, которого держит в объятиях, на тот случай, если Шелли ухитрилась его не заметить:

— Я уже взял свое.

— Берите что хотите, — говорю я.

Странно все-таки, что их могут заботить какие-то дурацкие растения, когда мама умерла.

Мои братья и их жены выходят из маминого дома в туманный сентябрьский вечер, а я стою в дверях и смотрю им вслед, в точности как делала мама. Последней выходит Кэтрин, на ходу засовывая шарф от «Эрмес» в карман замшевой куртки.

— Увидимся завтра. — Она чмокает меня в щеку.

Я выпускаю приглушенный стон. Разговоры о том, кому какое комнатное растение достанется, — сушая ерунда по сравнению с испытанием, которое предстоит мне завтра. Завтра все мамино имущество будет разделено между тремя ее детьми. Так сказать, церемония вручения премии Болингер. Через несколько часов я стану президентом компании «Болингер косметик» и боссом Кэтрин, хотя у меня нет ни малейшей уверенности, что я способна справиться хотя бы с какой-нибудь из этих обязанностей.

Ночью ветер разогнал тучи, и утреннее безоблачное небо сияет голубизной. Это добрая примета, говорю я себе. Сидя на заднем сиденье «линкольна», я смотрю на берега озера Мичиган и мысленно репетирую свою речь. *Вау, я очень смущена. Это высокая честь для меня. Конечно, я никогда не смогу заменить маму, но сделаю все, что в моих силах, для дальнейшего процветания компании.*

Голова у меня отчаянно трещит, и мысленно я проклиная себя на чем свет стоит. Зачем я пила это проклятое шампанское? О чем я только думала? Меня

тошнит и в буквальном, и в переносном смысле. Как я могла устроить такой беспредел на поминках по маме? После этого вряд ли стоит ожидать, что мои братья и их жены будут относиться ко мне с уважением. Я извлекаю из сумочки пудреницу и пудрю щеки. Сегодня я должна выглядеть спокойной и уверенной, как и следует боссу процветающей компании. Братья должны понять, что я способна управлять бизнесом, хотя вчера и выпила лишнего. И они могут гордиться своей сестрой, которая к тридцати четырем годам проделала путь от скромного менеджера по рекламе до президента крупной компании. И несмотря на бесчинство, учиненное мною вчера, я думаю, братья ничего не имеют против моего стремительного восхождения. Каждый из них занят собственной карьерой, семейного бизнеса они практически не касаются, хотя, конечно, каждый владеет своей долей акций. Что касается Шелли, она по профессии логопед, а сейчас главная ее забота — дети. Ей вообще по фигу, кто будет управлять компанией ее свекрови.

Так что беспокоит меня только Кэтрин.

Выпускница престижной Уортонской школы бизнеса и член национальной команды по синхронному плаванию на Олимпийских играх 1992 года, моя невестка обладает умом, деловой хваткой и энергией, которых достанет, чтобы управлять тремя компаниями.

Последние двенадцать лет она занимала в «Болингер косметик» должность вице-президента и была маминной правой рукой. Если бы не Кэтрин, «Болингер косметик» до сих пор оставалась бы маленькой, хотя и процветающей фирмой местного значения. Но моя энергичная невестка убедила маму в необходимости

расти. В 2002 году она узнала, что в «Шоу Опры Уинфри» планируется создать новый раздел — «Любимые вещи Опры». Почти полгода Кэтрин каждую неделю посылала на «Харпо студияс» изысканно упакованные коробки с органическим мылом и лосьонами «Болингер», сопровождая их фотографиями и статьями о нашей компании, выпускающей исключительно натуральную, экологически чистую продукцию. Когда Кэтрин готовила двадцать вторую по счету посылку, раздался звонок со студии. Органический черный чай и маска из семечек винограда производства «Болингер косметик» были удостоены звания любимых вещей Опры.

Естественно, появление нашей продукции в «Шоу Опры Уинфри» стало отличной рекламой. Внезапно все спа-салоны и престижные универсальные магазины захотели сотрудничать с компанией «Болингер». За полгода производство выросло в четыре раза. Более крупные компании предлагали головокружительные суммы, желая купить нашу, но Кэтрин убедила маму не соглашаться на продажу. Вместо этого она открыла новые магазины в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Далласе и Майами, а два года спустя вывела нашу компанию на международный рынок. Конечно, я тешу себя мыслью, что мои маркетинговые способности тоже сыграли здесь некоторую роль. Но все же приходится признать: именно Кэтрин Хамфрис-Болингер компания обязана своим превращением в мощную корпорацию, приносящую миллионные доходы.

Отрицать это невозможно. Кэтрин у нас королева улья, а я, руководитель маркетингового отдела, — всего лишь скромная рабочая пчела. Но через несколько минут нам с ней придется поменяться местами.

Я стану боссом Кэтрин, и при мысли об этом у меня холодеет внутри.

В июне, когда мама проходила через все муки химиотерапии и появлялась в офисе лишь изредка, Кэтрин пригласила меня к себе в кабинет.

— Тебе необходимо досконально изучить производство, — сказала она, усевшись за стол красного дерева и сложив руки на груди. — Мы все, конечно, гоним подобные мысли прочь, но все же приходится признать: вскоре в жизни нашей компании произойдут перемены. И ты должны быть готова к своей новой роли.

Она намекала на то, что мама вскоре умрет! Как она могла предположить подобное? Но я знала: Кэтрин — реалистка, которая ошибается чрезвычайно редко. По спине у меня пробежал холодок.

— Естественно, после ухода твоей мамы ее доля перейдет к тебе, — продолжала Кэтрин. — Ты ее единственная дочь и единственная из ее детей, занятая в нашем бизнесе. К тому же ты была ее партнером дольше, чем кто-либо другой.

В горле у меня вспух ком. Мама любила рассказывать, что я работаю в компании с пеленок. Она посадила меня в рюкзачок-кенгуру, и мы с ней разъезжали по магазинам и маленьким рынкам, предлагая нашу продукцию.

— Как владелец контрольного пакета акций, ты станешь генеральным директором компании.

Что-то в ровном, спокойном голосе Кэтрин навело меня на мысль: подобное положение вещей ее не слишком устраивает. Но кто мог упрекнуть ее за это? Кэтрин была гением бизнеса. А мне всего лишь повезло быть дочерью Элизабет Болингер.

— Я, разумеется, помогу тебе подготовиться. Впрочем, ты и так уже почти готова. — На экране компьютера Кэтрин открыла календарь. — Если не возражаешь, давай не будем откладывать и начнем завтра, в восемь часов утра.

Это был не вопрос, а приказ.

С того дня каждое утро я усаживалась за компьютер рядом с Кэтрин, и она рассказывала мне об условиях наших зарубежных сделок, особенностях международного налогового права и торговых операциях, осуществляемых нашей компанией. Она даже отправила меня на недельный семинар в Гарвардскую школу бизнеса, где меня познакомили с современными технологиями управления. К тому же Кэтрин заставляла меня пройти несколько компьютерных курсов самой разной тематики — от планирования бюджета до подбора сотрудников. Признаюсь, нередко мне казалось, что моя бедная голова вот-вот взорвется от избытка информации. Но у меня ни разу не возникло мысли отказаться от предлагаемого мне поста. И сейчас я надеюсь, что буду с честью носить корону, которая прежде принадлежала маме. А еще я надеюсь, моя невестка не будет чувствовать себя обиженной тем, что ей приходится помогать мне полировать эту корону до блеска.

Мамин шофер высаживает меня на Рэндольф-стрит. Я выхожу из машины и окидываю взглядом гранитно-стальную громаду чикагского Аон-центра. Арендная плата за офисы здесь наверняка головокружительная. Мамин адвокат явно не бедствует. Я поднимаюсь на лифте на тридцать второй этаж. Ровно

в десять тридцать рыжеволосая красотка Клэри, секретарь мистера Мидара, приглашает меня в офис своего шефа. Мои братья и их жены уже сидят за массивным дубовым столом.

— Выпьете кофе, мисс Болингер? — любезно осведомляется Клэри. — А может быть, чая или минеральной воды?

— Нет, благодарю вас.

Я усаживаюсь рядом с Шелли и оглядываюсь по сторонам. Офис мистера Мидара представляет собой впечатляющую смесь старого и нового. Хотя в интерьере главенствуют современные тенденции, холодный блеск стекла и гранита смягчают восточные ковры и несколько предметов изысканной антикварной мебели. В целом все сочетается довольно гармонично.

— Здесь очень мило, — замечаю я.

— Да, не правда ли? — подхватывает Кэтрин, сидящая на другом конце стола. — Мне нравится стиль Стоуна.

— Да, я тоже люблю, когда в интерьере используют камень, — киваю я. — А здесь гранита столько, что можно открыть каменоломню.

Кэтрин снисходительно хихикает, словно я трехлетний карапуз, ляпнувший забавную глупость.

— Я имела в виду Стоуна, Эдварда Дьюрелла Стоуна, — поясняет она. — Он был архитектором.

— Ах вот как!

По-моему, эта женщина знает все на свете. Но эрудиция Кэтрин не столько восхищает меня, сколько внушает ощущение собственного дремучего невежества. Ее сила заставляет меня чувствовать себя